

## ГЛАВА 1

Я СИДЕЛА В ПУСТОМ АКТОВОМ ЗАЛЕ уже битый час. Ключи я выкрала у своего преподавателя по вокалу еще в первом семестре, и это был, пожалуй, мой единственный повод для гордости в учебном году. Актальный зал использовали только для выступлений, и все остальное время это прекрасное пространство пустовало и скучало без мероприятий. Но не со мной. В тот год я проводила почти каждый обеденный перерыв здесь, прячась от всего мира и пытаюсь убедить себя, что оказалась в этом учебном заведении не просто так... Во мне что-то увидели. Какие-то задатки или, быть может, проблески таланта? Последнее очень льстило моему эго и разрушало его одновременно.

Года в три я влюбилась в музыку и тогда же заявила, что стану певицей. И, как это обычно бывает, родители думали, что я перерасту мечту. Но, окончив школу, сдала вступительные экзамены в *École des Arts Vivants* и переехала в Париж.

Я хотела стать композитором. Уметь не только петь, но и писать музыку. В том актовом зале, с ворованными ключами, я мечтала написать такие мелодию и текст, которые дали бы мне веру, что нахожусь я там не случайно.

Говорят, что творец должен познать боль, тогда созданное им будет напитано той меланхолией, что делает произведение по-настоящему глубоким. Люди искусства обречены на вечную погоню за этой светлой печалью. И чаще всего настигают ее в любви.

Тейлор Свифт написала миллион и одну песню про разбитое сердце — все восхваляли ее, заслушивали до дыр. Но стоило ей выпустить альбом, наполненный счастьем, как это светлое чувство тут же разнесли в пух и прах. Наш мир любит страдальцев — будто от знания, что кому-то другому хуже, чем тебе, твоя жизнь автоматически становится лучше.

И дело было не в обесценивании собственных проблем, а в простом человеческом факторе. Возможно, в конкурентности? Мне сложно судить. В свои двадцать

я не изучала ни философию, ни психологию, ни даже социологию.

Я всего лишь училась в школе искусств в Париже, пыталась писать песни, петь их и нащупать ту самую ниточку, которая привела бы меня к самореализации и успеху.

Успех... Скольким людям желание достичь успеха отравило их мечты? Мечты творить, созидать, быть услышанным. Ведь алгоритмы и тренды захватили мир, и нужно было уметь писать то, что подходит под определенные критерии.

Я сидела перед пианино уже полтора часа и не знала, на какую клавишу опустить палец. В такие моменты напыщенные люди говорят: загляни в свое сердце. А что, если там пусто? Нет той самой боли, что делает творца талантливым, чутким, говорящим на одном языке с толпой? Что, если любви в моей жизни тоже не было?

Можно ли возводить в абсолют чувства, испытанные в семнадцать лет в летнем лагере на юге Франции? Да, я лишилась с ним девственности. Как его звали?.. Джошуа? Нет, кажется, имя было не на Д. Быть может, Нико? Черт, я даже имени его не помнила.

Одно я знала точно: тот союз не был создан на небесах, и девственности я лишилась с ним под действием двух бутылок пива. А еще потому, что он был красивым, горячим и сносно целовался. И потому, что я знала: после того лета больше никогда его не увижу.

В этом я призналась себе лишь в сентябре, когда он написал мне, а я не ответила. Да-да, я была той самой стервой, которая не ответила парню. Может, об этом стоило написать песню?

Я резко захлопнула крышку пианино и встала посреди сцены. Прочистила горло, закрыла глаза и начала громко напевать:

*Мне было семнадцать —  
И я не любила тебя.  
Страшнее другое:  
Я даже себя не любила тогда.*

*Ты писал мне в сентябре,  
А я просто исчезла.*

*Ты был красивым.  
Наверное.  
Добрый.  
Возможно.*

*Или мне просто понравилось,  
Что кто-то впервые  
Посмотрел на меня так,  
Будто я особенная.*

*Теперь я стою на сцене  
И пытаюсь из боли  
Сделать искусство.  
Только вот проблема —  
Боли нет и не было никогда.*

*После тебя были мальчишки,  
Поцелуи, квартиры,  
Чьи-то футболки по утрам.  
Но знаешь, что смешно?*

*Я не помнила их имена.  
Так же как забыла твое.*

*И вот я пою это  
В пустом актовом зале  
В надежде, что из моего безразличия  
Получится хит.*

*Может, песня залетит в чарты.  
Может, станет ТикТок-трендом.  
Может, однажды  
Я выйду за «Грэмми»  
В платье цвета шампанского.*

*Хотя по факту  
Это просто песня  
Девочки, которая очень хочет  
Почувствовать хоть что-то.*

Я фыркнула и резко распахнула глаза.

— Черт. Ничего не получается! — заорала я в микрофон, и звук эхом отскочил от стен. — Как написать про разбитое сердце, если мое осталось целым и невредимым?

Тогда-то я впервые увидела *его*. Он сидел в красном велюровом кресле в первом ряду, широко расставив ноги. В руках — коротенький карандаш, повидавший всякое, и тетрадка для зарисовок, которая, казалось, сопровождала его повсюду. В тот момент я еще не знала ни его имени, ни того, что эта встреча изменит меня.

— Ты вообще как тут оказался? — растерянно спросила я и взглянула на закрытую дверь.

Помню, как щеки густо покраснели от осознания, что кто-то стал свидетелем моего глупого выступления.

Он не ответил. Продолжил царапать карандашом, игнорируя меня.

— Я с тобой говорю, — попробовала я еще раз, и голос предательски сорвался на фальцет.

Рыжие кудрявые локоны упали ему на нос. Он смахнул их резким движением головы и даже не поднял на меня взгляда.

Это ощущалось как выстрел в сердце. Возможно, я уже была достаточно уязвима и настолько неуверена в себе, что мне действительно показалось, будто я невидимка... не только для него, но и для целого мира.

— Эй, я вообще-то задала вопрос! — сорвалась я на грубость.

Челка прилипла ко лбу, и я почувствовала свое резкое, прерывистое дыхание. Парень не шелохнулся, а я продолжала разглядывать его лицо. Оно все было усыпано веснушками. Яркими, многочисленными. Ровный нос, красивая линия твердого подбородка, на котором слегка

поблескивала щетина... и снова веснушки. Казалось, он был полностью покрыт ими. Завороженная, я наблюдала за тем, как парень моргает, но не могла разобрать цвет глаз.

— Я забыла закрыть дверь? — четвертая попытка обратить на себя внимание была жалкой. Голос дрожал от слез, и вопрос прозвучал хрипло.

Наконец парень поднял глаза. Вот только посмотрел он не на меня, а на лепнину потолка... Долгих десять секунд изучал ее узор и массивную хрустальную люстру.

Я не выдержала, как ужаленная прыгнула со сцены, кинула в парня пустой картонный стаканчик — всё, что осталось от моего обеда, состоявшего из одного лишь кофе, — и выбежала за дверь

Дверь... Я действительно забыла закрыть ее.

А он...

Он зашел в нее... и в мою жизнь.

## ГЛАВА 2

— ВАЛУ, ТЫ ВООБЩЕ МЕНЯ СЛЫШИШЬ? — Жером сидел с гитарой на подоконнике и показывал очередной напев своего будущего хита.

Иногда я завидовала мужской самоуверенности и узколюбости мышления. Жером не задавался вопросами, для кого пишет, зачем это делает и не выглядит ли его будущий хит как подборка одинаковых зазываний под гитару. Он был уверен, что голубые глаза, сверкающие бирюзой, обаятельная улыбка на смазливом лице и походы в зал три раза в неделю сделают свое дело. К тому же у него был достаточно приятный голос, а вот песня... обычное дерьмо про любовь к девушке. Я была уверена, что с текстом ему во многом помогла нейросеть. Возможно, она же и подбирала ноты.

— Я пытаюсь придумать, как ее освежить, понимаешь? Может, второй куплет напишешь и споешь ты? У тебя такой тембр голоса — идеально впишется. — Он посмотрел

на меня с надеждой, а я поправила на шее черный чокер, который вдруг начал душить.

Я откашлялась и посмотрела на бывшего парня. В начале учебного года обаятельная улыбка сработала и на меня. Мне понадобилось три месяца, чтобы понять, что за ней скрывается пустота, а меня выбрали в качестве девушки только потому, что профессор Босино по неосторожности в первый учебный день назвал меня талантливой.

— Вообще, знаешь... отчасти эта песня написана о тебе... — пробормотал Жером низким сексуальным тоном и приблизился ко мне.

Меня обдало его сигаретным дыханием и фальшью.

Почему я решила остаться с ним друзьями? Возможно, испугалась, какие сплетни он мог бы разболтать обо мне, если бы мы вышли на тропу войны. Или оказалась слабачкой, которая продолжала позволять пользоваться собой.

Проблема заключалась в том, что мне больше нечего было ему дать. Он высосал из меня все, что только мог, а заполнить этот пустой сосуд чем-то новым я еще не успела.

Я оглядела высокого подкачанного шатена и попыталась нащупать хоть какие-то чувства внутри себя. Любила ли я его? Нет. Мне нравилось ощущение исключительности, которое появляется, когда самый популярный парень встречается с тобой. Но был шанс, что лет через десять я буду пытаться вспомнить, как его звали, и полезу в соцсети, чтобы это выяснить. Расстроилась ли я, когда он порвал со мной? Тоже нет. Я испытала странное облегчение оттого, что больше не связана с ним...

— Мы могли бы спеть дуэтом. — Жером сократил расстояние между нами, буквально нависнув над моим лицом. — Знаешь, я даже придумал видео для ТикТока. Я еду в машине по городу и вспоминаю о тебе, а ты лежишь в кровати, плачешь и листаешь мои фотки. Все знают, что мы расстались. Драма всегда подогревает интерес.

— Думаю, я только помешаю тебе, — хрипло произнесла я и сделала шаг назад.

Мне срочно нужно было придумать причину, почему я не могу участвовать в этом позоре.

От глупых ответов, которые никак не лезли в мою ватную голову, меня спас профессор Босино.

— Валентина, — позвал он, и его голос в коридоре прозвучал как спасительный колокол. На Жерома он посмотрел из-под нахмуренных бровей строго и с явным пренебрежением. — Отойдешь на минутку? — спросил профессор у меня.

Я быстро кивнула, испытав облегчение оттого, что не придется продолжать этот разговор.

Профессор Босино шел прямо по коридору, а я семенила следом, стараясь поспевать за его широким шагом. Минута, на которую он забирал меня у Жерома, превратилась во все пять, а то и десять.

— Хочу поговорить в более укромном месте, — произнес профессор, когда мы подошли к его классу, и я занервничала.

— Я знаю, что не выполняла домашние задания в течение последнего месяца, но...

Деревянная дверь резко распахнулась.

— Заходи, — велел мне Босино. Я прошла внутрь. — Садись. — Он махнул в сторону парты в первом ряду.

Профессор уперся бедром в учительский стол и внимательно оглядел меня пронизывающим взглядом. Серые глаза за стеклами очков выглядели усталыми и покрасневшими. Он снял оправу и потер веки.

— В этом году наше учебное заведение впервые участвует в программе Rising Voices. Победитель получит грант на запись собственного мини-альбома в Нью-Йорке и год обучения в Джульярдской школе по обмену. — Босино надел очки обратно. — Финалисты выступят перед продюсерами, музыкальными агентами и представителями крупных лейблов. — Он сделал паузу и снова посмотрел на меня. — И я хочу, чтобы ты подала заявку.

— Джульярдская школа? — переспросила я тихо. Уже одно это название звучало слишком круто для меня. — Вы ведь понимаете, что туда поступают гении?

Босино устало вздохнул и поправил очки на переносице. Вблизи он выглядел старше своих тридцати пяти лет. Усталые глаза, неопрятная щетина, мятая рубашка. Наверное, преподаватели творческих вузов старели быстрее остальных.

— Валентина, каждый год я вижу сотни студентов, — спокойно произнес он. — Большинство из них просто хотят быть знаменитыми. Половина мечтает записать вирусный трек в ТикТок раньше, чем научится попадать в ноты. Но иногда появляются люди, у которых действительно есть голос.

Я нервно усмехнулась и отвела взгляд.

— Последние месяцы я даже домашние задания не сдаю.

— Да, не сдаешь, — согласился Босино без капли жалости. — Но знаешь, что хуже посредственности? Талантливый человек, который заранее решил, что может загубить свой дар.

В кабинете повисла тишина.

Я почувствовала, как пальцы сами начали тереть черный чокер на шее. В последнее время он постоянно душил меня... или дело было вовсе не в украшении?

— Я всем студентам говорю попробовать, — продолжил профессор уже мягче. — Но не всем лично приношу анкету.

Он протянул мне черную папку с логотипом Rising Voices.

Я взяла ее слишком быстро, а затем удивленно посмотрела на нее в своих руках, словно не понимала, как она тут оказалась.

— Вряд ли... — начала я, но профессор перебил меня.

— Подумай хотя бы до конца недели, — слишком резко произнес он.

Я лишь кивнула и пулей вылетела из кабинета.

Шум коридора мгновенно ударил в голову. Кто-то истерично смеялся у лестницы, из-за тонкой перегородки кто-то в сотый раз повторял фортепианные гаммы, общий гул голосов сомкнулся надо мной. Все это звучало пугающе обыденно — точь-в-точь музыка на верхней палубе

накренившегося судна. École des Arts Vivants всегда напоминала мне огромный тонущий корабль.

И именно тогда я снова увидела его.

Рыжий парень стоял у окна в дальнем конце коридора. Огромная папка для рисунков была зажата под мышкой, а кудри падали ему на глаза почти так же раздражающе идеально, как и вчера в актовом зале.

У меня внутри все неприятно сжалось. Он не посмотрел в мою сторону. Просто свернул за угол, но в этот момент из папки выскользнул лист бумаги. Парень этого даже не заметил.

Несколько секунд я с опаской смотрела на рисунок посреди коридора, будто это была какая-то ловушка. Потом, убедившись, что его поблизости нет и никто на меня не смотрит, я уверенным шагом подошла к листку на полу и подняла его.

У меня перехватило дыхание.

Это была я.

Темное каре с рваной челкой, длинные ресницы, нос с легкой горбинкой и недовольный взгляд. Черный чокер плотно обвивал шею.

На кистях — татуировки: маленькие звезды, луна и хаотичные строчки, которые я набила в семнадцать, пытаюсь казаться сложнее и загадочнее, чем была на самом деле.

Он даже прорисовал сережки.

Все мои бесконечные проколы в ушах: тяжелые кольца, металлические гвоздики, цепочки, массивные серьги. На рисунке это выглядело почти рок-н-рольно. Готично. Красиво.

Красивее, чем в реальности. Я медленно провела пальцем по бумаге.

На портрете я выглядела человеком, который способен разбить чье-то сердце, написать об этом альбом и выйти за «Грэмми» в черном кружевном платье.

Хотя в реальности я была сломленной и напуганной девчонкой, которая просто пряталась от всего мира за грубостью собственного образа.

Но кто-то все-таки заметил меня.  
А значит, я не была невидимкой.  
Не была невидимкой для него.  
И я побежала за ним. Побежала за единственным человеком в мире, который видел меня той, кем я хочу быть.

### ГЛАВА 3

Я НЕСЛАСЬ ПО КОРИДОРУ как сумасшедшая. Студенты в ужасе расступались, кто-то не успевал, и я пихала их, не думая о том, как выгляжу со стороны. Передо мной была огромная толпа, и, встав на носочки, я попыталась рассмотреть коридор насквозь — без всякой надежды, но удача улыбнулась мне. Я увидела, как рыжая макушка заходит в один из дальних кабинетов, и, набрав в легкие побольше воздуха, ринулась туда.

Дверь раскрылась с грохотом, ручка ударилась о стену, и я застыла на пороге в своих огромных мартинсах на тонких, как спички, ногах.

Первое, что я увидела, — его глаза. Зеленые, как болотные топи. Таких глаз я никогда не видела. Казалось, я тоннула в них в ту самую секунду, захлебываясь в трясине.

— Ты... — прошептала я и сделала шаг вперед, плотно запирая за собой дверь и прижимаясь к ней спиной.

В студии никого, кроме нас, не было. В воздухе стоял запах ацетона и красок, а окружали нас многочисленные мольберты. Посередине стояла композиция из фруктов с черепом на круглом серебристом подносе. Парень молчал.

— Ты... — вновь произнесла я хрипло.

Мне хотелось, чтобы он что-то сказал. Но парень просто молча смотрел на меня, буравя взглядом из-под густых нахмуренных рыжих бровей.

На глаза навернулись слезы. Я не понимала, откуда они взялись и что я тут делаю, но молча подняла лист тонкой бумаги, который успела помять, пока бежала по коридору.